

A close-up portrait of a male hockey player, Alexey Kovalev, wearing a blue CCM hockey helmet and a white jersey with red and blue accents. He is smiling and looking directly at the camera. The background is a blurred arena.

АК-27

АЛЕКСЕЙ КОВАЛЕВ
А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

Алексей Ковалев

АК-27. Автобиография

«Спорт»

2007

ББК 75.579

Ковалев А. В.

АК-27. Автобиография / А. В. Ковалев — «Спорт», 2007

ISBN 978-5-90-350815-0

27 – мой игровой номер. Уже и не вспомню, почему его взял. Он мне сразу чем-то понравился. Может, потому, что семерка – счастливое число, а 27 – это дважды семь. Этот номер все уже связывают со мной. И мне приятно так выделяться. Когда даю автограф болельщикам, ставлю рядом 27. Это число у меня на номере машины, среди цифр телефона, штамповано на ключках. И поэтому я решил что в моей автобиографии должно быть 27 глав. Это словно мой публичный дневник. Когда-нибудь, ближе к ста годам, я сяду в кресле-качалке у камина, стану перелистывать свою жизнь по страницам. И удивлюсь: черт возьми, мне есть, что вспомнить!

ББК 75.579

ISBN 978-5-90-350815-0

© Ковалев А. В., 2007

© Спорт, 2007

Содержание

Ковалев, которого мы знаем	5
Детство	7
Динамо́вская общага	11
Через тернии к звездам	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алексей Ковалев

АК-27. Автобиография

Ковалев, которого мы знаем

Если разобраться, у каждого из нас – свой Алексей Ковалев. Болельщики со стажем помнят молодого форварда, которого наставник «Динамо» Владимир Юрзинов выставил против энхаэловцев из «Монреаля». «Ставку на него делать было рано – убьют еще, не дай бог. Так Ковалев обиделся на меня на всю жизнь! Не знаю, сейчас простил? Он уже в 17 лет был уверен, что выйдет на лед и порвет этих канадцев!», – улыбается тренер.

Другие вспоминают золотую Олимпиаду в Альбервилле. За два месяца до начала турнира распался СССР. Объединенная команда СНГ не имела родной символики, но не потеряла своего лица. В той команде играл молодой Алексей Ковалев, а возжаком был Вячеслав Быков, нынешний главный тренер сборной России. «В команду пришли талантливые ребята с горящими глазами и с огромным желанием покорить хоккейный мир. Лешка был одним из них. Наша страна тогда переживала сложный период. Но парни вроде Ковалева контрастировали с теми, кто ударился в депрессию. Он чувствовал, что у него появился шанс. Рано? Пожалуй. Ковалеву даже 19 лет не исполнилось. Но он сумел доказать, что имеет право наместо среди элиты», – это уже слова Быкова.

Третьим Ковалев запомнился по финалу Кубка Стэнли-1994. Тогда впервые в нашей стране самые главные матчи НХЛ показывали по национальному телевидению – трансляцию вела компания РТР. Очень яркое зрелище, тот финал заслуженно считается лучшим в лиге за последние 15 лет. И русские в хоккейном спектакле совсем не были статистами из массовки. Павел Буре блистал в составе «Ванкувера», а за «Рейнджерс» билась четверка богатырей – Сергей Немчинов, Александр Карповцев, Сергей Zubов и Алексей Ковалев. «Если бы не они, мы бы точно не выиграли Кубок Стэнли!» – уверен знаменитый Марк Мессье, который был капитаном тех «Рейнджерсов».

С другой стороны, Алексей Ковалев для всех нас – один. Форвард, который подхватывает шайбу, играет с ней, как кот с клубком, обводит по головокружительной траектории всех, кто попадется на пути, – форвардов, защитников, вратаря. Скажешь про такого – виртуоз, и слово покажется сухим и банальным. Красоту его искусства так просто не перескажешь. Это надо видеть, смаковать. Идти на стадион. И приводить с собой детей. Чтобы те через много лет рассказывали своим детям, что вживую видели, как играет Ковалев.

Те, кто много общаются с Алексеем, говорят – от Ковалева заряжаешься энергией. Хочется вслед за ним сесть за штурвал самолета, нырнуть с аквалангом в Черное море. Как минимум, подтянуть английский язык, на который раньше не находилось времени. А вот Ковалева хватает на все. Я сам это почувствовал, когда мы вместе писали книгу.

Уж не знаю, как Ковалев разгребал время в своем загруженном графике. Но он вырывал по два часа в день, мы сидели в московском или монреальском кафе, иногда у него дома. Я задавал вопросы, а Алексей все говорил, говорил... По сути, автобиография у него давно созрела в голове. Мне оставалось ее только записать – именно тем языком, которым рассказывал Ковалев, с присущими ему словечками и оборотами. Свести воедино темы – хоккей, увлечения, семья. Мы разложили все по полочкам, и получилось как раз 27 глав. Символично – под этим номером Ковалев всю жизнь выходит на лед. Поэтому книга называется «АК-27».

Наверное, это только ее первая часть. Планы у Ковалева наполеоновские – играть в хоккей до 50 лет, стать первым человеком, который провел 2000 матчей в НХЛ, выиграть золото чемпионата мира и помочь сборной России на Олимпиаде в Ванкувере. Когда мы вместе

с коллегой Геней Богуславским рассказали патриарху канадской журналистики Рэду Фишеру о том, что Ковалев собирается побить рекорд Горди Хоу по количеству матчей за карьеру, глаза 80-летнего репортера стали больше, чем линзы в его роговых очках. «No way!» – воскликнул Фишер. «Ни за что!». Но если Ковалев снова выкинет что-то эдакое и опровергнет слова журналиста, который повидал все за свою жизнь, я нисколько не удивлюсь.

Прежде чем читать эту книгу, советую вообразить следующую картину – вы сидите с Ковалевым за столиком в ресторане. Заболтались о жизни, спешить некуда. Алексей разговорился и выкладывает вам, как старому товарищу, что накопилось у него на душе. Вобщем-то, это даже не автобиография, а откровенный монолог Ковалева – великого спортсмена, которым может гордиться Россия (это снова цитата из Быкова). Человека, который избрал своим девизом изречение: «Жизнь для того, чтобы жить».

Павел ЛЫСЕНКОВ,

редактор международного отдела «Советского спорта»

Детство

Первые коньки. – Каток в кинотеатре. – Порок сердца. – Самопальная форма.

С чего началось мое увлечение хоккеем? Со двора, конечно! Там я, едва исполнилось четыре года, начал с пацанами с утра до вечера гонять шайбу. Когда чуть подрос, стал ходить на стадион «Торпедо», где зимой заливали футбольное поле. Не могу сказать, что уже тогда влюбился в хоккей. Совсем нет. Коньки надевал неохотно. Они были неудобными, голеностопы можно сломать. Играл и мучился. А потом пришла в голову замечательная идея: у меня же сестра занимается фигурным катанием! Ну-ка, на ее коньки попробую встать. И знаете, дело пошло. Сначала как все начинающие, я не катился, а шел по льду, держась за бортик. Потом поехал. Лезвия у новых коньков были широкими, балансировать на них стало легче.

Мой товарищ Андрей был старше, занимался в хоккейной секции. Я ходил за ним хвостиком, смотрел тренировки. Какой-то интерес начал просыпаться. Но себя на его месте до поры до времени не представлял. Пока однажды не спросил: «А мне записаться в секцию можно?». Андрей поначалу серьезно мой порыв не воспринял. Но пожал плечами и сказал: «Если хочешь, я тебя с тренером познакомлю». Я кивнул головой: «Давай».

Тренера звали Вячеслав Иванов. Он посмотрел на меня, шестилетнего мальчика. И велел получить разрешение от родителей: «Приводи папу или маму. Я с ними побеседую. Если хочешь заниматься хоккеем, этому делу нужно уделять много времени. А тебе в школу скоро идти. Как будешь совмещать секцию и уроки? Тем более я занимаюсь с пацанами, которые на год тебя старше».

Дома я подошел к папе: так и так, хочу играть в хоккей. Отец всегда стремился к тому, чтобы я не по дворам шлялся, а занимался спортом. Приучал меня к борьбе, к тяжестям. Папа сам этим в молодости занимался. Хотел сделать из меня штангиста, но я его опередил. «Тренер хочет с тобой поговорить». – «Что ж, хоккей так хоккей. Пошли в секцию». Разговор прошел удачно, и Иванов велел прийти мне через несколько месяцев – в июле, когда детская команда начинала подготовку к новому сезону.

Хорошо это помню. Лето. Мы с отцом идем на первое занятие. Ребята тренируются «на земле». Тренер жестом показывает: «Присоединяйся!». Понравилось. Через две недели пере-

шли на лед. Папа к тому времени достал мне новые коньки. Они плохенькими были, ногу совсем не держали. Но отец взял толстую кожу и обшил ей задники ботинок. Совсем другое дело! На первой ледовой раскатке я точно не был худшим. Одна проблема – по привычке пытался отталкиваться носками, как на фигурках. Никак не мог перестроиться.

Отец на меня из-за борта кричал, да и тренер указывал: «Не толкайся, не толкайся носками!». Несколько дней ушло на то, чтобы выучить эту прописную истину.

Постепенно поймал ритм. Через месяц меня начали ставить в пример другим ребятам. Останавливали детей, просили меня пробежать по кругу, чтобы все посмотрели: вот какое гладкое катание! Потом уже я много работал с конькобежцами, фигуристами. И постепенно приблизился к тому, что сейчас специалисты называют «фирменным стилем Ковалева». Он в шесть лет начал зарождаться.

Помню еще, Иванов раздал нам листки бумаги и велел к следующему занятию написать, кем мы хотим быть по амплуа. Мол, ему нужно разбить ребят по звеньям, чтобы сформировать команду. Я, конечно, решил стать форвардом! Зачем лезть в ворота или кататься в защите, если забивать голы – это самое интересное?

В девять лет на меня обратил внимание Владимир Гуженков, который тренировал группу 1970 года рождения. Его слова: «Талант у парня есть, а если он будет заниматься с ребятами, которые на три года старше, станет быстрее прогрессировать». Я ходил в третий класс, но среди шестиклассников не терялся. Всегда был крепышом. Старые фотографии смотрю – на полголовы выше ровесников. В новом коллективе освоился быстро.

Но и свою старую группу бросать не хотел. Ездил и с ними на турниры, с одного занятия бежал на другое. А потом еще на улице катался. Такой азарт был, что мог по шесть часов в день рубиться в хоккей. А летом, в межсезонье, записывался в другие секции – плавание, футбол. Был и вратарем, и нападающим. Гонял мяч так усердно, что тренер всерьез советовал перейти к ним. Видел во мне хорошие задатки футболиста.

Но я уже влюбился в хоккей. Во дворце спорта занималось много групп. Лед нам давали или в шесть утра, или ночью: в спорткомплексе ведь еще и кино крутили! И вот когда в полночь заканчивается индийский фильм про Зиту и Гиту или вестерн о ковбоях, нам, малышам, отдавали площадку. Многих ребят ждали родители. Меня же отец с мамой не всегда могли проводить – им в пять утра вставать на работу. Вот и не хотели отпускать на тренировку. А я стоял под дверью и ревел в три ручья, пока родные не сдавались. Хорошо, что мы жили по соседству от стадиона. Я же Тольятти почти не знал, на автобусе катался только в поликлинику, на диспансеризацию. А со здоровьем вскоре начались проблемы...

Я насиловал свой организм перегрузками. А когда прошел очередной осмотр перед сезоном, терапевт сообщил маме неприятную новость: у меня обнаружена сердечная аритмия. Нужно встать на учет и каждый месяц ходить в поликлинику на обследование.

Мы отправились на консультацию к кардиологу. Он снова сделал ЭКГ и подтвердил диагноз – неправильная частота биения сердца. Тогда меня мягко, но настойчиво начали отговаривать от хоккея. Не сразу его бросать, а вставать на коньки хотя бы раз в неделю. Слегка побегать по площадке без хоккейной формы, ради удовольствия. И так два года. Атам, может, порок сердца исчезнет.

Два года без хоккея?! Трагедия! Представить это я не мог и в страшном сне. Это же целую вечность вычеркивать из своей жизни! Я плюнул на все: будь что будет. И продолжил тренировки в прежнем интенсивном ритме. Обошлось... Хотя сердце у меня и сейчас работает неидеально – вряд ли можно изжить до конца ту детскую болезнь. А когда я подросток, то прочитал книгу о Валерии Харламове. И узнал, что у него в детстве были схожие проблемы. Хорошо, что он все-таки не послушался врачей.

Прав был Иванов – совмещать хоккей и школу оказалось крайне сложно. Мы же на турниры ездили, приходилось отпрашиваться у учительницы. Первый раз так сделаешь, вто-

рой... А к третьему на тебя уже косо смотрят. Да и успеваемость вниз ползет. Мне тренеры начали выписывать справки: мол, Ковалев не прогуливает, а за детские команды играет, честь нашего города защищает. Но потом и это перестало работать. В самом деле, почему человек в классе появляется по праздникам? Родителей в школу регулярно вызывали. Перестали отпускать меня на соревнования. А я махал рукой и все равно уезжал. Такхотелось играть в хоккей, что важнее цели не существовало. Школа оказалась на втором плане. А что делать? Я жил по принципу: если учеба мешает спорту, нужно заканчивать со школой. В итоге в Тольятти дотянул до восьмого класса. Остальные два закончил уже в Москве, в спортшколе «Динамо».

На турнирах до смешного порой доходило. Однажды организаторы отправили меня к врачу, чтобы он засвидетельствовал, что мне хватит здоровья играть за команду ребят на три года старше. Доктор ни в какую. Но все же удалось договориться. А после соревнований мне вручили приз «Лучшему молодому хоккеисту». Гуженков давал немного игрового времени, но пользу те турниры приносили огромную. Я чувствовал, что расту в мастерстве. Оббивался среди старших, учился чувствовать хоккей.

Многое подсматривал по телевизору. Мы с отцом не пропускали крупные соревнования. Смотрели не только хоккей – зимние и летние Олимпиады, чемпионаты мира по плаванию или легкой атлетике. Но хоккей стоял особняком. Очень нравилась первая пятерка сборной СССР, где выступали Фетисов, Касатонов, Крутов, Ларионов, Макаров. Почти десяти лет это звено доминировало в мире, выиграло Кубок Канады-1981, две Олимпиады, уйму чемпионатов планеты... Я и сейчас вспоминаю те фантастические матчи – например, когда встречаюсь с Валерой Каменским, своим соседом в Нью-Йорке. И снова удивляюсь, как ему удалось забить тот супергол на Кубке Канады-87, когда он проскочил между двух защитников и на вытянутых руках бросил в «девятку»? Очень красиво получилось. Каменского тогда признали лучшим игроком. Я все это запомнил по телевизору. И, конечно, представить не мог, что когда-нибудь буду играть с Каменским в одной команде, выступать в НХЛ.

Больше мечталось, что я попаду в состав тольяттинской «Лады». Когда у нас заканчивалась тренировка, на лед выходили мастера. Я переодевался, шел обратно на площадку. Садился на скамейку штрафников и смотрел из-за бортика. Запоминал, кто как катается, бросает. Пытался разобраться, повторить. Если шайба вылетала за стекло, я ту же секунду летел за ней пулей. Более ценный сувенир в то время придумать было сложно. А уж если кто клюшку сломает и за бортик швырнет – это вообще праздник! Ты ее подберешь, домой отнесешь. Отец починит, подпилит, и у тебя появляется настоящий хоккейный трофей! Нет, дети не голыми руками играли, нам выдавали клюшки «Хоккей». Низкого качества, из прессованной фанеры. А вот у мастеров были «Эфси», «Элита». Серьезный инвентарь. Мечта каждого школьника.

Хорошую форму достать тоже было сложно. Мне ее делал папа. Подшивал коньки. Придывал пластмассу, чтобы усилить наколенные щитки. Отрезал мои старые болоньевые штаны. Внутри нашивал кармашки, вкладывал в них защиту, вот и получались хоккейные шорты. Мастерил подтяжки... Всю амуницию изготовил своими руками. Жаль, я ее не сохранил. Сейчас был бы главный экспонат в моем домашнем музее. Но раньше ведь как было? Ты позанимался в форме, подрос – отдавай ее другим детям. Можно сказать, она передавалась по наследству.

В секции не все складывалось гладко. Меня часто обвиняли в индивидуальной игре. Почему я передерживал шайбу? Наверное, так во вкус входил, что делиться не хотел. И всегда стремился доказать, что я могу быть лучше, чем другие. Способен стать лидером. Я делал все, как считал нужным. А тренеры ругали меня за самоуправство. Доходило до того, что наставник останавливал занятие: «Ковалев, что ты творишь? Нужно делать так, а не эдак». Давал свисток, но я продолжал по-своему. В конце концов, он выгонял меня с тренировки: «Иди отсюда, раз ты такой самостоятельный».

Я сидел на скамейке и смотрел со стороны, как занимаются товарищи. Обидно было до чертиков. Не мог этого стерпеть и ушел из группы Коновалова, который занимался с моими ровесниками, решив остаться только у Гуженкова. Днем заниматься не получалось – ребята учились в спортклассе, а я в обычном. Но катался с ними по вечерам. А когда до турниров доходило, Коновалов у Гуженкова просил, чтобы меня с его командой на соревнования отпустили. Я же по возрасту подходил. Разумеется, я соглашался помочь...

Бывало, меня на турнире признавали лучшим игроком. Но не часто – в ту пору была сильная конкуренция в детском хоккее. Воспитывались очень талантливые пацаны в челябинском «Тракторе», минском «Динамо», ЦСКА, «Крылышках»... Большая машина, развивающая спорт в Советском Союзе, работала на всю катушку. Все прекрасно помнят, что хоккей считался такой же гордостью страны, как балет или полеты в космос.

Динамо́вская обща́га

Приглашение в Москву. – История на вокзале. – Панк Каспарайтис. – Крысиные атаки.

Московские скауты (хотя в ту пору такого слова никто не знал – их называли селекционерами) заметили меня в 1987 году. Тольяттинская команда готовилась к юниорскому турниру в Северодонецке. А перед этим нужно было выиграть отборочные соревнования – кажется, в Электростали. В одной из тех встреч я сломал левую кисть. Меня хотели отправить домой. Но я попросил тренера, чтобы он взял меня с командой в Северодонецк. Так хотелось сыграть на том турнире, показать себя, что я был готов в гипсе на площадку выскочить. К слову, с тех самых лет позитивно отношусь к своим травмам. Не плачу над болячками. Верю в то, что они залечатся в считанные дни, и я быстро вернусь в игру. На мне, как в поговорке, словно на собаке все заживает. Не помню, чтобы даже после серьезных переломов я долго валялся в койке. Один из последних случаев – как в «Монреале» за три недели восстановился после операции на колене. Хотя все говорили, что Ковалеву надо два месяца по врачам бегать.

Так вот, еду я со сломанной рукой в Северодонецк. Заселяюсь в гостиницу. А в соседнем номере со мной жил селекционер Куравлев из московского «Динамо». Об этом я только через несколько дней узнал... Сейчас пытаюсь вспомнить имя того скаута, и не могу. Еще одно свойство памяти – вычеркивать все плохое. Позже у меня проблемы с этим Куравлевым начались. Он меня пригласил в Москву, но потом сделал недвусмысленный намек: «За это нужно платить, Леша. А ты как думал?». Денег я не дал. Да и откуда их взять в 14–15 лет? Тогда он начал козни строить. Когда мой отец приезжал в Москву, Куравлев жаловался ему: мол, ваш сын тут пьет, курит, до хоккея ему дела нет. Папа, не разобравшись, мне тоже выговаривал. Такая обида меня брала, вы не представляете.

Итак, мы жили со скаутом через стенку. Виделись в коридоре. Я в гипсе с командой ходил. Катался на тренировках. Когда до конца турнира оставалась пара матчей, начал держать клюшку здоровой рукой. Потом пытался схватить двумя. Стал себе урезать гипс. Если перед соревнованиями вся рука была упакована, то к финишу что-то вроде перчатки осталось. Рвался в бой. Думал, успею. Но, конечно, не одного матча так и не провел.

Перед отъездом мы с ребятами бесились в коридоре гостиницы. Бегали, кричали. Тут Куравлев ко мне подходит: «Можно с тобой поговорить?». Я сначала испугался. Думаю, сейчас нотации читать начнет. Зашли к нему в номер. Он представился: я, говорит, селекционер, работаю на «Динамо», ищу талантливых ребят. А потом сразу шокировал: «Не хочешь поехать в Москву?»

Представляете?! Попасть в то время в «Динамо», где выступают великие игроки – это все равно, что в космос полететь! Но раз выпал шанс, почему бы ни попробовать? Я играл с ребятами на три года старше меня. Очень рано стал самостоятельным, уверенным в себе. Теперь с удивлением смотрю на нынешнее поколение, которое инфантильно и в 15 лет. Не готово сорваться в другой город, жить в одиночку, вдали от мамы-папы, домашней еды и компьютера.

Когда меня позвали в столицу, в душе появился азарт. Один буду в большом городе! Что хочу, то и делаю! В хоккей играть с мастерами! Прямо как в чеховских «Трех сестрах» в висках начало стучать: «В Москву! В Москву!».

Я опять пошел получать «добро» от родителей. Дело было весной, а Куравлев сказал позвонить ему в первых числах июня: он даст инструкции, куда и с чем ехать. Если, конечно, меня отпустят. Я-то в этом не сомневался. Но шел домой с вокзала и думал, как лучше начать разговор. Пытался подобрать слова. Понимал, что со стороны это выглядит диковато: 14-летний пацан подходит к папе с мамой и говорит, что уходит из дома. Пусть не куда глаза глядят, а в «Динамо», но тем не менее. Какой родитель отпустит своего ребенка? Подозревал, что сразу услышу: «Нет!». Но цель уже была, и я решил поставить вопрос ребром.

Подхожу к отцу: папа, так и так, я получил предложение из Москвы, вот номер телефона, просят позвонить. Отец поначалу ничего не понял. Я снова начинаю: в «Динамо», говорю, меня приглашают, в столицу хочу ехать... С папой было проще договориться, чем с мамой. Он всегда хотел, чтобы я стал спортсменом. Отказа от него я не услышал. Только кучу вопросов: «А как ты там жить будешь один?», «Сможешь ли?», «Не потеряешься в огромном городе?». Я отбивался, как мог: «Почему же один? Я в команде буду! В общежитии поселюсь, в школу стану ходить». А вот на маму мои уговоры не действовали. Она была категорически против, все время плакала. Отговаривала, как могла. Но как лошадям ставят шоры, и они рвут по прямой – так и я тогда был таким же настырным. Еще в уме держал, что у меня проблемы в секции, с тренировок выгоняют. Нет уж, в Тольятти больше делать нечего! Я просчитал: если расти в мастерстве, то нужно нацеливаться на сборную. А как тебя пригласят, если ты живешь и играешь в деревне, по столичным меркам? А в Москве я буду на виду.

В общем, расставил все точки над «і». Заканчиваю восьмой класс и еду в «Динамо». Родители были вынуждены поддаться моей упертости. Отец готовил меня к Москве примерно в духе фильма «Любовь и голуби» – помните, как молодому парню перед армией разные проверки устраивали, и он по хате по-пластунски ползал? Папа каждый день меня вопросами изводил: «А в такой ситуации что будешь делать? А если вот так случится?». Перед поездкой я был так подкован, что не растерялся бы, даже если на Москву упал бы метеорит или город накрыло цунами.

В конце июня 1987 года я отправился покорять столицу. Это сейчас звучит громко. А тогда выглядело так: мы с папой собираемся на вокзал, мама по-прежнему вся в слезах. Два билета на поезд. Я уже чувствовал этот ветер свободы, взрослой жизни, в которой все решать буду самостоятельно. Но перед отъездом меня пробрал страх: а куда я, собственно, еду? Ну, хоккей, с большими людьми буду играть. А ведь тут мама с папой, как я их брошу? Да и в Москве никогда в жизни не был. Я там никого не знаю, меня никто не знает... Закружились мысли. Но я их решительно отогнал. Поцеловал маму, сказал папе: «Пошли».

Родители мои в столице если и бывали, то только проездом. Имелась провинциальная боязнь заблудиться в этом огромном бетонном муравейнике. Но инструкции нам по телефону уже дали: приезжайте, вас встретят. Из «Динамо» отправили на вокзал Андрея Николишина

– моего будущего соседа по комнате в общежитии. Мы в относительном спокойствии выходим из поезда. Оглядываемся. Да-а, совсем не наш жигулевский перрон, пара рельсов и один состав. Казанский вокзал, десятки направлений, море народу. Стоим на платформе. Ждем. А Николишина нет. Никто нас не встречает. Поезд уже ушел. Пошли искать телефон. Нашли. Звоним в хоккейную школу. Там говорят: ждите Николишина, он скоро будет. Я уже потом додумался, что Андрей, похоже, поезд перепутал. Составы ведь не только из Жигулевска, но и из Самары ходили.

Час стоим, два, три. Отец нервничает: «Что делать? Куда пойдем?». А у меня любопытство разыгралось, инициативу начал проявлять: «Давай метро найдем. Там станцию «Динамо». – «Да ты что? Заблудимся!». – «А что, сиднем сидеть?».

На Казанский мы приехали утром. Проторчали там весь день, ночь. И на следующее утро решили рискнуть. Спускаемся в метро! Спрашиваем граждан, как до «Динамо» доехать. Нам объясняют, что от «Комсомольской» по кольцу до «Белорусской», а оттуда с пересадкой вверх по зеленой ветке. Кое-как добрались. Шею уже ломило от московских высоток. Устали снизу вверх на них смотреть. Повезло, что нашли правильный выход.

Отправились по аллее в Петровском парке в сторону ледового дворца. Измученные дорогой, заходим в помещение под трибуной. Там тренеры сидят – Быстров, Полупанов... Докладываем: «Алексей Ковалев с отцом прибыли из Тольятти». А у них лица удивленные: «Мы думали, вы уже давно на «Водном стадионе», в динамовское общежитие заселились». Ввели в курс дела. Дали новый маршрут. Рассказали, что мои ровесники, ребята из других городов, уже приехали. Дали талоны на питание в кафе «Онега».

Все нам объяснили. И мы, уже умудренные опытом путешественники, снова спустились в метро. Нам сразу объяснили, что «Водный стадион» – это одна ветка, езжайте по ней почти до конца. Сразу увидели общежитие и «Онегу». Первым, кого я встретил из ребят, был Дарюс Каспарайтис, приехавший из Электрени. Сразу стало ясно: горячий литовский парень. В коротких брюках и модных сандалиях на босу ногу. С длинной стрижкой под немца (за что Каспера тут же окрестили «Ганс»). И с браслетом вокруг кисти, сделанном из бритвенных лезвий «Нева». Настоящий панк. Я в его комнату зашел – там флаги висят: немецкий триколор, зеленый литовский (это при том, что Литва в ту пору входила в состав СССР). Но меня поселили не с ним, а со старшими ребятами.

У отца в тот же вечер был поезд. Я-то думал, он сутки со мной проведет. Но из-за того, что мы столько времени на вокзале угрохали, папе надо было уезжать. «Ладно, сын, оставайся. Я на вокзал». – «Да что ты, я тебя провожу!». – «Не надо, как потом один добираться будешь?». И он начал собираться. Слез при расставании было пролито море. Отец ушел на вокзал, за шесть часов до поезда, а я остался в общежитии.

И вот тут наступил самый жуткий момент. Мне 14 лет. Я один. В Москве. Не при делах – до начала сезона еще три дня. Как щенок, которого в воду бросили: барахтайся, плыви. Предательская мысль подкралась: «На фиг мне это нужно? Домой надо, к маме и папе». Шемящая тоска напала. Так захотелось к родному человеку, что я решил: еду на Казанский! Провожу отца и себя заодно проверю – не потеряюсь ли в Москве? А что, в кровати лежать и в потолок глазеть что ли?

Я побежал в метро, добрался до вокзала. Папа очень удивился, обрадовался. Потусовались на станции, пока поезд не пришел. Проводил его до вагона. Без слез опять не обошлось. Но отец уже спокойнее был. Видит, есть во мне самостоятельность. Не пропадет парень!

Когда в «Динамо» начались тренировки, мне стало проще. В школу пошел. Время убивалось, дурные мысли в голову уже не лезли. С ребятами подружился. Со мной в комнате сначала пять человек жило. А потом нам предложили на второй этаж перебраться – к лыжникам, фигуристам. У них обжитые компании, все делают сообща, своя плитка, готовка. Почти семейная

обстановка. Там одна комната освободилась. Мы туда втроем и переехали – я, Сергей Ким и Андрей Николишин.

Обустранивали нашу «квартиру». Вытаскивали фанеру из шкафа. В стену вбивали гвоздь, делали веревочные петли и вставляли в них доску. Получалась висючая полка для зубных щеток и будильника. Кому-то из нас родители привезли маленькую плиту, чтобы кипятить чай. Покупали еду. Первое время мои родители присылали деньги... Хорошо заселились. И тут нас выгонять начали – вернулись лыжники, которые раньше в этой комнате жили. Мы ни в какую. Но все-таки пришлось покинуть завоеванную территорию – отправились мы в новое крыло общежития, которое восстановили после пожара.

Снова поселились втроем, восстановили обстановку, вместе ужинали. Забавно было – Каспарайтис и старшие ребята жили в другом крыле на первом этаже. Они знали, что у нас всегда есть что-нибудь покушать. Мы готовим, а сами в окно посматриваем – бац, опять Каспер через дорогу бежит. Запираемся. Гасим свет, притаились. А Каспарайтис кулаками в дверь барабанит и кричит: «Открывайте! Я все равно знаю, что вы там!». Мы пускали его, Влад Бульин приходил. Конечно, угощали. Никто никого не объедал, сообща делились продуктами.

Туалет и душевая были общими, на первом этаже. Со второго идешь, ничего не видно. Держись за стенку, на ощупь. А как днем стирать вещи? Я изобрел хитрый способ – заходил в душ... в спортивном костюме и мылил его на себе.

Когда столько подростков вместе живет, шалопайство обязательно проявится – это как в «Республике Шкид». Холодильник у хоккеистов был один на всех. Какому-то парню перед днем рождения прислали кремовый торт. Ночью кто-то умный слопал все, что было в коробке, и додумался поставить в нее старые ботинки. Утром возник серьезный скандал.

Так и жили. Занимались хоккеем, вели быт. Ходили на теннисные корты, которые находились по соседству. Играли в волейбол. Николишин с Кимом частенько ночевали в Бирюлево, в квартире у своего друга Ибрагимова. А я оставался в общежитии один. Возвращаешься домой, открываешь дверь комнаты... И слышишь, как по полу разбегаются крысы. Первый раз мы их заметили, когда достали из заначки пакет с рисом. Он был изъеден наполовину. Николишин нашел дырку, которую крысы прогрызли в плинтусе. Взял намокшее печенье, смешал со стеклом. Мы его туда бросили и заткнули нору палкой. Ночью под полом стоял дикий визг. А мы боялись, что крысы сгрызут палку, выскочат и от бешенства на нас набросятся. Представляете, как было страшно там жить одному? Однажды я зашел и увидел в лунном свете здоровенную крысу. Она сидела в центре комнаты, не двигаясь, смотрела на меня и нисколько не боялась. Я топнул ногой, прогнал. Но в ту ночь не сомкнул глаз, укрывшись одеялом с головой.

Впрочем, о бытовых проблемах тогда никто не думал. Все понимали, зачем мы собрались со всего Союза в этой общежитии на «Водном». Чтобы играть в «Динамо» и стать настоящими мастерами. Ради этой цели можно было перетерпеть все.

Через тернии к звездам

Владимир Юрзинов. – Динамовские «старики». – Зарплата на двоих. – Кроссовки из Штатов.

На родину я только через год вернулся. Летом подбил своего товарища Алексея Подолинского поехать в Тольятти. За временем мы особо не следили. Загорали, купались – наше общежитие располагалось на берегу канала имени Москвы. Когда посмотрели на часы, то ахнули: поезд отходил через час! Выскочили на Ленинградское шоссе, начали голосовать. Ни одна машина не останавливается. Запрыгиваем в троллейбус, доезжаем до «Войковской». В уме держали, сколько времени должен занять каждый перегон между станциями метро. Учитывали и пересадку. Бежали по эскалатору с огромными сумками, расталкивая всех пассажиров. В вагон поезда заскочили за секунду до того, как он тронулся. Вытерли пот со лба, выжали мокрые майки и рубашки. Переглянулись и решили, что мы изобрели новый вид спорта. Бег с баулами за поездом по пересеченной местности. Веселое было время.

В «Динамо» я снова попал в команду ребят на год старше. Поехали на сборы в Дубну. Тренировали нас Юрий Быстров и Виталий Ерфилов. По утрам рано вставали, по лесу кроссы бегали. Дождь, жара, холод – без разницы. Тяжело с непривычки. Делали прыжки, кувырки, разминались. Завтракали, и потом шли на вторую тренировку. На теннисном корте играли в футбол или в регби, но по хоккейным правилам. С толчками, с силовыми приемами. Заканчивали игру с изодранными руками-ногами. Я понимал, что никто меня здесь жалеть не будет. Никаких поблажек и сантиментов. Так закалялся характер.

Вот помню, Каспарайтис ко мне как-то подходит. «А ты где больше любишь играть – в центре или в углах?». Я ему: «В углах часто играю». Он мне со значением: «Ну мы с тобой там встретимся». Чуть позже случится история, когда после международного юниорского матча с чехами, в котором мы проиграли, Каспер подъедет к своему же голкиперу и одним ударом кулака опрокинет его на лед. Это не потому, что мы как волчата грызлись и даже своих жалеть не собирались. Просто заряженность на борьбу у ребят была постоянно. И мы ненавидели проигрывать.

По тольяттинской привычке, отзанимавшись с одной командой, я задерживался на площадке. Подхожу к Юрию Быстрову: «Можно я с другой группой покатаюсь?». Крепко засел в памяти его ответ: «Катаются только на трамвае. У нас тренируются». У меня сразу желание к двойной нагрузке отпало. Тренер дал понять, что «Динамо» – это не детская секция «Лады». Тут занимаются серьезно, до седьмого пота. И если силы распределять нерационально, то организм не выдержит.

И еще одну шутку вспоминаю. Коньки у меня стали совсем разбитыми, пришла пора их менять. Их выдали, но... на размер меньше. Как в таких заниматься? Быстров утешал: «Ну ничего, ножки попаришь, ногти подрежешь, и все будет хорошо». У меня жуткие мозоли были на ногах от тех коньков. Пришлось обращаться к Зинэтуле Билялетдинову – он был вторым тренером в основном «Динамо». Через него мне достали новые нормальные коньки – профессиональные Bauer 100. Когда встал на них, испытал неземное наслаждение.

Главный тренер «Динамо» Владимир Юрзинов привык доверять молодежи. Первым в основу из нас, зеленых новичков, пригласил Дарюса Каспарайтиса. Потом меня подпустил, чтобы я среди мастеров пооббивался. Это был сезон – 1989/90, мне уже исполнилось 16 лет. Вожаков, Попихин, Мышкин, Татаринев, Леонов, Сергей Яшин – от такого количества звезд с непривычки шла кругом голова. Но и слабину давать нельзя. Бывало, лихо пообедаешь ветерана на тренировке – он тебе клюшкой по шлему врежет. Как же, самолюбие задето. Шайбы после занятий в ведро я собирал, как и все молодые. Тем более все равно задерживался после тренировки минут на пятнадцать, чтобы броски отработать, технику катания подшлифовать. Как раз Леа Яшин из Свердловска в «Динамо» приехал. Мы с ним часто вместе занимались.

В то же время родилось прозвище, которое дали Андрею Николишину – «Васильич». Его так нарек Миша Татаринев, которого Владимир Юрзинов вернул в «Динамо». Татариневу не хватало «физики», он оставался на вторую тренировку с молодыми. Как-то мы делали упражнение – борьба в углу площадки один на один.

Николишин с ним разок столкнулся – Татаринев упал. Второй, третий... Вернулись в раздевалку, у них язык набок. Андрюха в закрытом шлеме, Татаринев его лица не видит: «Слышь, парень, ты какого года рождения?» – «73-го...» – «Это у тебя маска 73-го года, а сам ты – 53-го!». Все покатались со смеху.

Свой дебют в основном составе «Динамо» помню нечетко. Играли мы то ли со «Спартакoм», то ли с рижским «Динамо». Поставили меня в тройку с ветеранами Леоновым и Сергеем Яшиным, причеи на позицию центра. Играли в «Лужниках». Волновался, конечно. Бил мандраж. Ничего в том матче я толком не показал. Да и вообще провел в сезоне-1989/90 лишь одну игру. В следующем первенстве – уже 18 матчей, в которых набрал только три очка. Но от меня никто не требовал выдавать статистику на-гора. Главное – расти в мастерстве, прогрессировать. Не так просто сделать это в одном из сильнейших клубов страны. При том, что массового отъезда наших мастеров в НХЛ тогда не наблюдалось.

Юрзинов мне казался строгим тренером. Не потому, что ему делать нечего, вот он и кричит на игроков. Нет, Юрзинов если делал выговор, то по делу. Когда мне доставалось на орехи от старших ребят, Владимир Владимирович закрывал на это глаза. Понимал: все молодые проходят такую школу жизни. И это было правильно. Я чувствовал, что быстро расту как хоккеист. Закрепиться среди ветеранов получалось проще. «Терпение» – это было любимое слово Юрзинова. Очень часто его применял. А одноклубник Сергей Светлов добавил: «Если выживешь в команде, станешь мастером. Если нет, то можешь заканчивать с хоккеем». Я держал в уме эти слова. Пробивался «через тернии к звездам». И терпел, терпел, сжав зубы, как учил Юрзинов.

Мою детскую привычку брать игру на себя в «Динамо» изживали, но осторожно, не лишая меня индивидуальности. Юрзинов проводил воспитательные беседы, в которых тактично говорил, что хорошо уметь в конкретном эпизоде принять шайбу и обыграть одного-двух

соперников. Но этим нельзя злоупотреблять. Сам же себе облегчишь жизнь, если не будешь всегда возить шайбу, а научишься использовать партнеров. Один в поле не воин, а команда – это сила! Отдал – получил, отдал – получил. Игра должна быть комбинационной.

Но я чувствовал какой-то шик в том, чтобы совершить красивый проход, сделать умопомрачительный финт и положить (а не заковырять!) шайбу в ворота. Уважаемый голкипер Владимир Мышкин на меня обижался: какой-то пацан на тренировке выходит бить буллиты, эффектно обыгрывает его на раз-два, и потом в команде начинаются подначки. Кому это понравится? Хотя я еще раз подчеркну: в отношениях молодых и ветеранов в «Динамо» не существовало дедовщины, как в армии. Все было сурово, но справедливо. А вне площадки опытные ребята часто помогали новичкам решить какие-то бытовые проблемы или давали хоккейные советы.

Сезон – 1991/92 получился для меня самым удачным. Собственно, это был мой первый и последний полноценный чемпионат в составе «Динамо», в котором я провел 33 матча и набрал 25 очков. В тот же год мы стали чемпионами страны (вдобавок к победам в 1990 и 1991 годах), выиграли Олимпиаду в Альбервилле, а также я привез золото с молодежного чемпионата мира.

Мой роман со сборной складывался тяжело. Когда я в 14 лет приехал в Москву и, как ожидал, «оказался на виду», меня никто из тренеров юниорских сборных в упор не замечал. Дело до того дошло, что Быстров и Ерфилов начали интересоваться у своих коллег, почему они не обращают внимания на их динамовского воспитанника. А те плечами пожимают: «А кто такой Ковалев?». Все-таки пришли на один из моих матчей. Посмотрели и воскликнули: «Почему мы его раньше не видели?». И начали меня привлекать в национальную команду.

В конце 1991-го на молодежный чемпионат мира в Германию отправилась сборная ребят 1972 года рождения. К ней подключили меня и нескольких моих ровесников. Золото мы завоевали сравнительно легко, победив во всех матчах кроме одного. Единственная проблема традиционно возникла с чехами. В последнем поединке встречались с канадцами. Турнирный расклад получался хитрым. Если мы проигрывали Канаде, то первое место занимали шведы. Если побеждаем, соответственно, золото наше.

Канадцев мы обыграли без напряжения – 7:2. У меня есть видеозапись той встречи. Теперь смотрю и удивляюсь: большинство наших соперников попали в НХЛ, стали звездами – Эрик Линдрос, Пол Кария, Тревор Кидд... Из нашей же сборной не вышло много громких имен. На слуху оказались Сергей Жолток (он скоропостижно скончался на площадке в 2004 году), Дарюс Каспарайтис, Борис Миронов, Алексей Житник, Николай Хабибулин, Михаил Волков... Пожалуй, все. Но наша сила была, как и учил Юрзинов, в командной, а не индивидуальной игре. Хотя если посмотреть рейтинги, выше сборной СССР на том турнире котировались не только канадцы, но и шведы, за которых выступали талантливые юниоры Петер Форсберг и Маркус Нэслунд.

В чемпионате страны «Динамо» опередило ЦСКА, с которым была жесткая заруба за очки. В состав я попадал гораздо чаще, чем раньше: многие игроки из распавшегося СССР уже уехали в НХЛ, а кого не брали в Америку, перебирались в Европу – Германию, Швейцарию, Швецию... Но Юрзинов все равно не спешил делать на меня полную ставку – все-таки мне после Олимпиады только 19 лет исполнилось. Я нередко попадал в заявку, но во время матча оставался на лавке.

Первый гол забил московскому «Спартаку». Подобрал шайбу у бортика, выкатился за ворота, сделал финт. Только голкипер Марьин начал смещаться на другую штангу, я резко тормознул, переложил корпус и завел шайбу в пустой угол. Даже сам удивился, как все эффектно получилось. Дебютную шайбу не забрал. Это в НХЛ есть такая традиция, а в нашей стране на нее не обращали внимания.

В другой раз мы играли с киевским «Соколом». Я взял старт от нашей синей линии, обыграл трех или четырех соперников, и забил красивый гол. Кстати, на том матче присутствовал генеральный менеджер «Рейнджера» Нейл Смит...

В золотом «Динамо» играли Жамнов, Каспарайтис, Алексей Яшин, Петренко, Николишин, Хайдаров, выступали ветераны Леонов и Сергей Яшин. Ворота защищали Михаил Шталенков, а еще Андрей Трефилов – он как раз и проявил себя в том сезоне. Трефилову доверили сыграть на Кубке европейских чемпионов. Андрей выступил очень здорово. Потом стал основным вратарем на чемпионате мира – 93, последнем на сегодняшний день золотом первенстве для сборной России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.